

Царь

Было у царя три руки и одна всего нога. Построит царь, бывало, министров кругом себя, руки разведёт на три стороны, пальцы растопырит – и давай крутиться на своей единственной ноге да хлестать министров по щекам. А кто вылетал из круга, не вынеся царских оплеух, тот из кабинета министров выгонялся с позором.

Паркет подлинный, бахилы скользкие, стены золочёные, гарнитур расстрелянного графа – красивый, Венера на потолке – голая, недосягаемая. А под ней – Ванечка в

штанах с лампасами и ещё двадцать паломников с селфи-палками и завистью в глазах. Ползут за экскурсоводом, слушают проповедь про царя.

Турникет билет льготный Ванечкин не хотел зубами цеплять, всё выплёвывал. Не услышал Ванечка, откуда у царя три руки взялись – проклял кто или благословил, – и не успел спросить, одинаковой они были длины или разной. У Ванечки самого – две всего, костлявые, с большими красными кистями. Позвоночник изгибается, как ноты «К Элизе», а правое ухо любит прислушиваться к правому плечу и льнёт к нему постоянно. А ещё глаза у Ванечки удивлённые. Ходит он по золотому залу и гадает, какой угол у царя был любимый.

В опочивальне группа не помещается. Ванечку зажало между камином и круглой тётенькой в панамке. Она наставляет на себя палку, будто дуло ружья, – получается её голова на фоне царской кровати. Красиво.

За верёвку не заступать, об стены не обтираться.

Монархи в те времена спали полусидя, а ходили в полуприседе. Передвигаться на прямых ногах в то время считалось вредным для кармы.

Садится Ванечка на корточки возле камина, чтобы по-царски на мир посмотреть, а видит ноги и чью-то сумку. Бабка-блюстительница зырк, цыц, шик на него. Блюдёт покои царские. Ванечка встаёт. Носом уткнувшись в чужие лопатки, шаркает в царскую столовую.

Сервиз на пятьдесят персон, подарок Льежской фарфоровой фабрики, двести пятьдесят предметов. Из них уцелели только семьдесят, но и те пришлось долго восстанавливать. Ни одного целого блюда. Здесь скол, там трещина, тут следы от зубов. Царь не совладал со своими руками и эмоциями, когда узнал о том, что у него есть единоутробный брат с тремя ногами и одной рукой.

Посуда как посуда. Кто их, чашек этих, не видел? Ванечка тоже видел – и чашки, и ложки, – но не такие. У него есть одна кружка, белая в красный горох. И со сколом прямо там, куда губа верхняя приходится. А тут все чашки тоненькие, целёхонькие, с ракушечными изгибами. И щупальца какие-то нарисованы. Смотрит Ванечка по сторонам – ушли все. Берёт Ванечка чашку за хрупкую ручку-петельку, к глазам подносит. И правда, щупальца: осьминог на чашке распластался, тянутся ленты с присосками по волнам фарфоровым, голова гладкая, мягкая, набок завалилась. Ванечка палец продевает в ручку, как со своей чашкой обыкновенно делал, разглядывает осьминога.

– Молодой человек!

Застукали Ванечку с осьминогом. Бабка-блюстителница к нему бросается, а тот в сторону от неё – и к другой стене бежит, летит в скользких бахилах. Чашка на пальце болтается, но он про неё уже забыл. Дверь легко его впускает, Ванечка в соседний зал залетает, поплотнее створку прижимает, наваливается, стул ногой придвигает, сверху ещё один громоздит, а на него – часы тяжёлые. Бабка стучится с той стороны и глухо ругается.

А Ванечка – тот уже от неё далеко. Шуршит бахилами, обходит свои владения. В Ванечкином королевстве – голубой полумрак, а в нём звёзды пыли перемешиваются с опаловым светом. Паркет кое-где разобран, в углах вёдра с краской стоят. Сверху, из-под потолка, смотрят на Ванечку из овальных рам лица цвета мотылькового крыла. У многих глаза удивлённые. По центру, напротив входа, самый большой овал с самой большой головой. Голова замечательная, бугристая, ни на какую другую не похожая. Разве что на Ванечкину. Он проводит рукой по своему неровному черепу, вздыхает. А под большим овалом, тоже по центру, трон стоит, в целлофан укутанный.

Только Ванечка к нему подошёл, как – раз! В дверь с той стороны что-то врезалось и запричитало. Но не провалилось. Только Ванечка поднялся на ступеньку перед тронem, как – на тебе! Сбоку, за другой дверью, загремели ключами.

Кружится Ванечка, мечется, куда деться, не знает, обхватил руками свою бугристую голову, сцапал малярный валик, чтоб обороняться, подбежал, подскочил да и уселся на трон прямо поверх клеёнки. Сидит, грудь ходуном ходит, колени трясутся, чуть ли не до подбородка подпрыгивают.

Часы музейные, что на стуле стояли да дверь подпирали, грохаются об пол, в дверь врывается бабка-блюстительница с охранником. Справа, топоча, высыпает в тронный зал группа с экскурсоводом.

И замирают.

В голубом сумраке – Ванечка на троне царском сидит, руки по бокам расставил. На пальце правой руки висит чашка с осьминогом, в левой – малярный валик на длинной палке. Луч, прорвавшийся сквозь тряпки на окнах, выхватывает Ванечкину макушку, и редкие волоски искрятся на его бугристой голове.

Охнул охранник, ахнула экскурсовод, усмехнулась группа, а круглая тётенька с селфи-палкой подошла и сфотографировалась на фоне трона.

Магазин «Садко»

У кого что над головой: у одних – звёзды намалёванные, у других – дельфины глазастые, у третьих – белый горох на чёрном фоне, а у четвёртых – у кого зонта нет – голова мокрая и мёрзнет. Дождь сделал из воздуха море, и в это море сошёл с автобуса Вадик.

За остановкой «Магазин “Садко”» сидел, как обычно, безногий старик на коляске и звал всякого, кто проходил мимо:

– Памги! Памги! Памги!

Но люди бежали от быстрых капель, и улица вскоре опустела. Пришла женщина в дождевике, оборвала песню и увезла старика в сторону магазина, где два алкаша помогли затащить коляску на разбитое крыльцо под козырёк.

Вадик стоял и мок. Погибшая сигарета, спрятанная за ухо, полетела в урну, но отскочила и упала на асфальт. В урне не было места: всю её заполнил своим существом чёрный зонт. Сложенные спицы торчали по-паучьи, одна была совсем оголена. Вадик вынул зонт, раскрыл. Безвольно повисло чёрное крыло, сломанная спица клевала правое ухо, но купол справлялся и не пускал дождь. Домой – лечить раненый зонт.

У Вадика однушка, в ней – плотный ковровый воздух, скрипучий паркет и высокие потолки. За окном было серо, пришлось зажечь лампу. Зонт раскрылся упругим звуком поднятого паруса, стряхнул с себя капли. Снять колпачки, перетянуть изолентой, чтобы спица не выстрелила в глаз или не попала в розетку, обнажить металлический скелет. Вывихнутый сустав уже не срастётся – нужно заменить.

Играло радио. Под неторопливый ритм ленивый голос жевал слова, и невозможно было понять, что он поёт – «люблю» или «хочу». В дверь позвонили.

Парень в синем комбинезоне с порога спросил:

– Старый бойлер сняли? Нет? Ну мы тогда щас его того. И новый поставим. Где у вас вода перекрывается?

Парень пошёл в ванную, а Вадик вернулся в комнату и принялся ходить по свободному пятаку на ковре. Вперёд до стола, назад до стопки газет. Почти всю комнату

занимали вещи: сумка с хоккейной формой и клюшка, старый процессор на подоконнике, пальцы с неоконченной вышивкой, чайный гриб, сломанные зонты, комбинезоны для маленьких собачек, принтер для печати на футболках, красивые бутылки и два чучела – грустная индюшка и кривоватый хорёк.

Зонт Вадик починил, только он теперь не закрывался. Пришлось поставить в угол, накрыть им хорька.

Парень с бойлером заглянул:

– Хозяин, принимай. Теперь вода горячая, холодная – какая хочешь. Если надо, можем вкус поменять. Многие уважают с лимоном. Почитайте на сайте. Не, денег не надо. Всё уже оплачено.

Денег он и правда не взял. Сказал только на прощание: «Санаторий “Мечта”» – и укатил старый бойлер. Горячая вода – это как раз вовремя. Её накануне отключили. Вадик хотел уже было пойти помыться в душевой бассейна. Он не был в бассейне со школьных лет, но совсем недавно ему случайно перепал бесплатный абонемент. В магазине девушка в кепке к нему подскочила и говорит:

– Вы выиграли абонемент в бассейн «Ермак». Безлимитный, на два года. Работает двадцать четыре часа семь дней в неделю. Водичка – прелесть. Плавайте на здоровье. Да, кстати, песня ваша про обложки для тетрадей тоже прелесть. Напеваем всей семьёй.

И ушла.

Куда он дел абонемент, Вадик не помнил. Он перебрал на подоконнике гору выцветших дисков и пластинок, прежде чем его нашёл. Попутно на глаза попался самый первый и единственный альбом его группы. У Вадика когда-то была группа, и называлась она «Так себе». На диске было десять песен:

1. «Микроволновые речи»
2. «Твой бычок»

3. «Обложки для тетрадей»
4. «День логиста»
5. «Фармацевт»
6. «Санаторий "Мечта"»
7. «Ацидофилин»
8. «Проспект Энтузиастов»
9. «Углы и впадины»
10. «Грустные камни»

Вадик раньше был музыкантом и часто выступал. Но когда от собственных песен начало тошнить и рифмы вдруг стали застревать между зубами, он снял переднюю стенку гитары, сделал внутри полочку, повесил на стену и поставил внутрь маленький террариум с ужом Дашей и банку соли. И замолчал.

Вадик взял в руки пластмассовую карточку с названием бассейна и вспомнил, что у него кончились сигареты. В магазине Вадик жестами показал, что ему, пожалуйста, «Винстон» со слепотой, но потом передумал и купил ещё с мёртворождением. Безногий старик на коляске вместе с женщиной в дождевике всё ещё были на улице, и когда Вадик вышел, старик сказал ему:

– Памги! Памги!

Женщина наклонилась через него к Вадиду:

– Ну как вы, друг мой, поживаете? Когда новый альбом? Мы на ваш концерт-то последний не попали. Да, вот так вот. Жалко, конечно. Да кто ж знал, что он последний?

Вадик пожал плечами. Он молчал уже три года – с тех пор, как в гитаре поселилась змея.

– Памги! Памги!

– А не хотите нам выступленьице организовать? Одно всего. Ну чего вам стоит? Ой, как красиво вы играли. Ой, заслушаешься. Про фармацевта особенно душевно.

– Памги! Памги!

– Мы тут рядом, у речного вокзала, живём. Вы приходите, мы вас с дочерью познакомим. А то, вишь, какие тучи висят, набухли, сейчас опять прорвёт. Ой, долго будет лить, долго. А вы споёте – и сразу прекратится. А не споёте – не прекратится. Ну чего вам стоит, ну правда? Ладно, подумайте. Воды много не бывает.

И она повезла старика прочь от магазина. Их догнала девица в кепке, что абонемент Вадику вручила, сдёрнула на ходу кепку, распустила длинные волосы – и хлынул ливень.

Дома Вадик нашёл перед своей дверью бутыль с водой и новую гитару.

Дождь лил неделю. Красивый мужчина в телевизоре рассказывал про наводнение, про героев на резиновых лодках, спасённых с крыши собак и захлебнувшихся в подвалах людей.

Закончилась слепота, закончилось и мёртворождение. Город погружался под воду. Вадик поднял с ковра найденный в мусорке зонт, оставив кривого хорька без укрытия, повертел рукоять в руках, потянул пружину. Нет, не закрывается. Крылья не желают складываться, упрямятся.

Вадик дотянулся до гитары, ущипнул струну.

А ближе к вечеру кто-то увидел, как возле речного вокзала, напротив спуска к реке, по воде плывёт рукоятью кверху чёрный зонт и собирает в свой перевернутый купол дождевую воду. Видели там же девушку с длинными мокрыми волосами. Она подняла локоны кверху, закрутила и спрятала их под кепку. И прекратился дождь.